

БЫЛ ЛИ АРХИВ У Г. А. ЛОПАТИНА

I

Какие могут быть, казалось бы, сомнения в том, был или не был архив у человека с таким огромным кругом деятельности и знакомства, как Г. А. Лопатин? В течение 70 лет своей жизни Г. А. вращался в самых разнообразных общественных кругах, состоял в переписке и в личном общении с крупнейшими людьми своего времени. Всюду, где бы он ни являлся, он привлекал к себе внимание и быстро делался центром как случайных собраний и сборищ людей, так и организованных объединений и, делаясь таким центром, вбирал в себя самые разнообразные наблюдения и впечатления и затем переносил их в свою переписку или в разговоры. Являясь деятельным участником самых разнообразных событий в самых разнообразных концах света, он знал все и всех, и его знали все круги общества — от самых низших до самых высших. И вот могло ли быть, чтобы у такого человека с его стихийным тяготением к людям не сохранилось никакого архива, то-есть собрания тех или других документов, хотя отчасти отражавших все им виденное и пережитое?

Однако сомнения в существовании архива у Г. А. Лопатина действительно высказывались, и притом людьми настолько серьезными и авторитетными, что пройти мимо них никак нельзя. Так и например в «Воспоминаниях» М. П. Сажина есть такое место, посвященное архиву Г. А.: «Лопатин уже после Шлиссельбурга говорил моему приятелю, известному Гильому, что у него сохранился весь его архив и что там между прочим имеются документы, касающиеся Бакунина. Но когда Гильом попросил их осмотреть, то Лопатин отказался показать, потому что архив не нашелся» (подчеркнуто мною. — М. Г.).

Как бы ни толковать это примечание, сделанное на ходу и бегом, впечатление получается такое, будто архива у Г. А. совсем не было, или во всяком случае, если и был раньше, то теперь «не нашелся». Если же такой крупный и хорошо осведомленный человек, как М. П. Сажин, почему-то сомневается в наличии архива у Лопатина, то не в праве ли мы в самом деле поставить вопрос: точно ли был у Г. А. такой архив?

По личным встречам с Г. А., по разговорам с ним, по разным наблюдениям над его жизнью, а также по некоторым его письмам я имею некоторые данные для более или менее обоснованного ответа на этот вопрос.

Установим сначала некоторые даты более важного характера. Я встретился впервые с Г. А. Лопатиным вскере после его приезда за границу, в августе 1908 г., на одной из партийных конференций в Лондоне, где он, а также М. Ф. Фроленко, присутствовали как почетные гости. Здесь я с ним и познакомился. В это время сам Г. А. считал свой архив бесследно потерянным. Как это произошло, он рассказывал неоднократно. Из его рассказов такого рода прекрасно помню следующие детали.

Когда Г. А. в 1883 г. выехал в Россию для восстановления организации «Народной Воли», он взял с собой целый ряд бумаг, которые хотел сохранить. Конечно он не предполагал перевезти их с собою в Россию, а думал лишь поместить их на хранение где-нибудь ближе к границе. Местом для хранения своего архива он выбрал Швецию и все свои бумаги, имеющие общественное значение, оставил там у Брантинга, тогда еще молодого социалиста, впоследствии известного лидера шведских социал-демократов, не так давно умершего.

В октябре 1884 г. Г. А. был арестован, не успевши конечно дать Брантингу никаких распоряжений относительно своего архива. Затем началось для него 20-летнее

заключение (1884—1905) сначала в Петропавловской крепости, а потом в Шлиссельбурге. За все это время Г. А. разумеется ничего не знал о судьбе своих бумаг, оставленных у Брантинга. Он был однако вполне уверен, что они находятся в надежных руках и что им не грозят никакие случайности.

Так шло вплоть до освобождения его из Шлиссельбурга в октябре 1905 г. Но как только Г. А. вышел на волю, он тотчас же сделал попытку списаться с Брантингом и запросил его о судьбе своего архива. Брантинг ответил ему немедленно. Но ответ его оказался не особенно благоприятным. Брантинг после ареста Г. А. и осуждения его на бессрочное заключение не считал себя в праве оставлять на свою ответственность Лопатинский архив и вскоре после осуждения Г. А., не думая, что они когда-нибудь встретятся, отослал все бумаги, оставленные у него на хранение, в Париж П. А. Лаврову, зная, в каких отношениях он находился с Лопатиным.

Получив такую справку от Брантинга, Г. А. предпринял, что вполне естественно, попытку выяснить, в чьих руках находится архив Лаврова после его смерти и нет ли в нем его бумаг. Я не знаю в точности, к кому он обращался с этими запросами, но в то время, когда он был еще в России, там находился такой близкий Лаврову человек, как Н. С. Русанов, а также, если не ошибаюсь, и дочь Петра Лавровича М. П. Негрескул. От них или от кого другого, но только Г. А. получил совершенно определенное заверение, что в архиве Лаврова никаких его бумаг и документов в свое время найдено не было. Это привело Г. А. к печальному для него убеждению, что архив его затерялся. С этой мыслью он и приехал за границу в 1908 г. незадолго до той конференции, на которой я с ним встретился.

После лондонской конференции Г. А. остался за границей.

Как-то раз, будучи в Париже, Г. А. зашел к известному народнику 70-х годов Л. Э. Шишко, который незадолго перед этим переехал из Женевы в Париж и занимался между прочим разборкой бумаг Лаврова. Там он обратил внимание на какие-то бумаги, писанные рукой Лаврова и оказавшиеся при ближайшем рассмотрении письмами самого Петра Лавровича к Г. А. Лопатину. Как они попали туда, Л. Э. Шишко не знал.

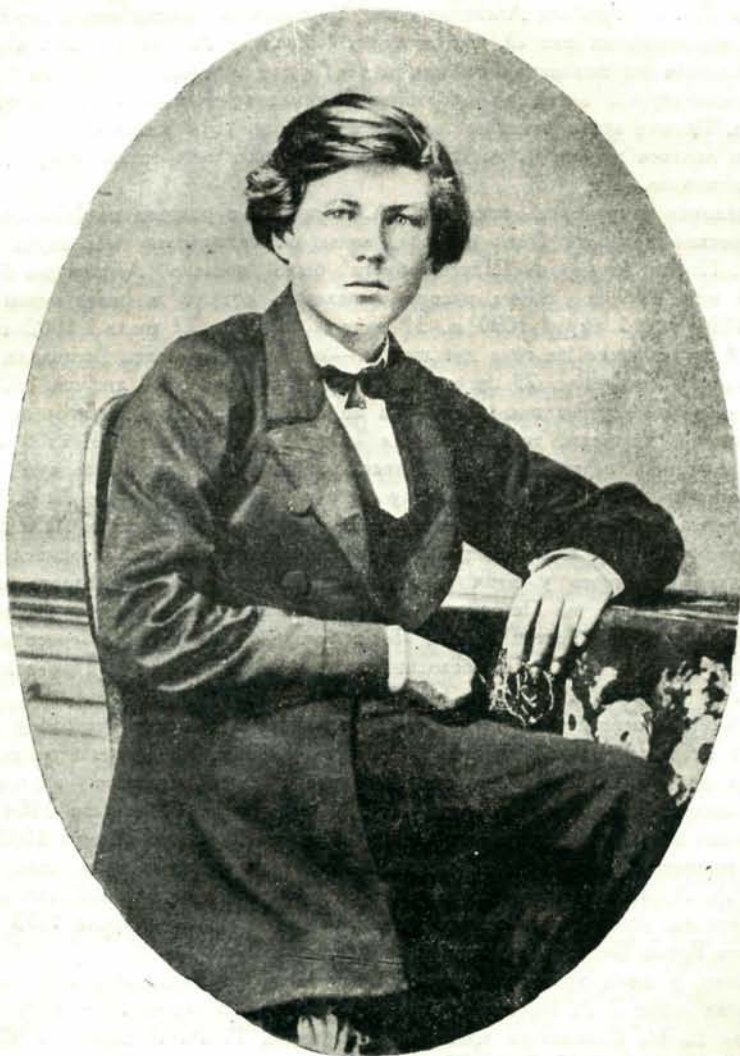
Эта находка и навела Г. А., как только он узнал о ней, на след его архива. Письма, найденные Л. Э. Шишко, были теми самыми, которые столько лет назад Г. А. лично передал среди других своих бумаг на сохранение Брантингу. Присутствие их в сундуках Лаврова давало основание предполагать, что и остальная часть его архива должна быть, или по крайней мере может быть где-то тут же. Это предположение оказалось вполне правильным. Когда Г. А., увидев, что он попал на след своего архива, стал тщательно пересматривать Лавровские сундуки, то вскоре же нашел на дне их большие пакеты, особо свернутые. Это и был его архив.

Некоторый свет на дальнейшую судьбу Лопатинского архива проливает еще одно мое свидание с Г. А., состоявшееся перед его возвращением в Россию в 1913 г. На этом свидании Г. А. объяснил, что он пересмотрел не только старый, а весь свой наличный архив. Он отобрал из этого архива все, что ему казалось имевшим чисто личное значение, и потом, запаковавши все им отобранное в два больших мешка, выехал на лодке с этим багажом на середину залива около Специи и все это утопил на дне морском.

Однако кроме уничтоженного таким образом осталась у него еще другая часть архива, имевшая не личное, а большое общественное значение. В этой части находились например документы о Бакуanine и Нечаеве, о чем он говорил неоднократно. Я не мог разумеется не спросить его и об этой части: что думает он сделать с нею, хотя собственно предугадывал уже заранее, что он ответит.

Дело в том, что Г. А. с братом приехали к нам с двумя громоздкими чемоданами, до краев чем-то набитыми. Из дальнейшего разговора с ним мне стало ясно, что это и есть сохраненная им часть его архива. Из Италии Г. А. направлялся не прямо за границу, а сначала в Париж, а затем в Лондон. Повидимому он предполагал там сдать кому-нибудь на хранение свой багаж, как он сдавал его когда-то Брантингу, направляясь в ту же Россию, хотя совсем при других обстоятельствах.

Решает или нет все рассказанное мной сколько-нибудь определенно вопрос, был или не был архив Г. А. Лопатина? Я позволю себе сказать, что вопрос этот тем, что выше сказано, решается вполне определенно: архив у Г. А. был. Там между прочим должны находиться документы, относящиеся к знакомству Лопатина с Марксом и к конфликту Маркса с Бакуниным. Другое дело, где этот архив может быть теперь.

ГЕРМАН ЛОПАТИН В МОЛОДОСТИ

Фотография 1860-х гг.

Собрание Н. Ростова, Москва

Вскоре после того, как Г. А. возвратился в Россию, началась война, а потом грянула революция. Умер же Лопатин в 1918 г., в самый разгар блокады. Правда, после него остался брат его Всеволод Александрович, который более, чем кто другой, мог быть посвящен во все его интимные дела, по крайней мере «архивного характера. Но теперь, вот уже несколько лет, как скончался и он. Затем другое: мало ли у нас бывало случаев, когда терялись без следа целые хранилища документов, а потом вдруг находились? Именно в последние годы мы видели несколько таких примеров. Почему же не могло бы это случиться с архивом Г. А. Лопатина?

М. Горбунов.

II

Не касаясь по существу вопроса о гибели архива Г. А. Лопатина, я лишь вкратце сообщу о том, какие рукописные материалы сохранились после Германа Александровича по тем сведениям, которыми располагаю. Относятся они главным образом к письмам Лопатина, до сих пор не появлявшимся в печати.

У сестры Г. А. — Любови Александровны Мартыновой имеется около двухсот писем Лопатина, адресованных как ей, так и брату Всеволоду Александровичу. Письма эти писались сначала из виленской ссылки, куда Герман Александрович был отправлен после Шлиссельбурга, затем из заграничной эмиграции и — по возвращении — из Петербурга. Письма эти охватывают период с 1906 по 1918 г. По содержанию своему письма эти личного характера, но содержат очень много интересных литературно-общественных моментов.

Почти целиком сохранились письма Г. А. Лопатина к родным из Шлиссельбурга и Петропавловской крепости (того периода, когда он содержался там перед высылкой в Вильно). Первое письмо из Шлиссельбурга было послано Лопатиным брату Всеволоду 23 мая 1897 г. Затем письма посылались оттуда в следующем порядке: 9 марта 1898 г., 15 марта 1899 г., 31 января 1900 г., 22 июля 1902 г., 1 мая 1903 г., 14 августа того же года два письма — одно на имя брата Всеволода, а другое его жене Лидии Яковлевне, 23 августа 1904 г., 7 февраля и 18 августа 1905 г. Возможно, что были и другие письма, но они не сохранились. Что касается до писем из Петропавловской крепости, то они не все сохранились. В октябре 1905 г. Герман Александрович был переведен из Шлиссельбурга в Петропавловскую крепость. 29 октября он написал брату Всеволоду первое письмо, отметив его № 1. Второго и третьего письма не сохранилось. Имеется только № 4 от 5 ноября и №№ 5 и 6 без дат. При этом № 5 не имеет конца. Вся эта тюремная переписка хранится у меня.

Помимо перечисленного у меня имеется еще следующее: восемнадцать юношеских писем Г. А. Лопатина из Петербурга старшей сестре Ольге Александровне. Письма эти писались Г. А. по поступлении в Петербургский университет. Первое письмо датировано 27 февраля 1862 г., а последнее 6 декабря того же года. При этих письмах сохранился и портрет Г. А. того времени.

Из позднейшей переписки у меня имеется три письма к брату Всеволоду от 27 ноября 1906 г., 17 января 1915 г. и 26 августа 1918 г. Из документов сохранилось следующее: два заявления Всеволода Лопатина на имя министра внутренних дел кн. Святополк-Мирского о применении к Г. А. манифеста 11 августа 1904 г., такое же обращение в первый департамент Сената и ответ Сената от 20 мая 1905 г., адресованный министру внутренних дел; указ Сената лифляндскому губернатору о разрешении Г. А. Лопатину отбыть оставшийся срок ссылки в пределах Европейской России. Сохранилась также копия с заявления Г. А. Лопатина от февраля 1893 г. о судьбе его сына Бруно Барта и его матери Зинаиды Коралн.

И, наконец, у меня хранится письмо Лопатина к Ф. Батюшкову (с перечнем всех литературных работ Г. А. Письмо это написано в ответ на запрос Литературного фонда).

В архиве В. И. Семевского хранится семь писем Г. А. Лопатина к Семевскому периода 1913—1915 гг. У С. Я. Штрайха хранились оригиналы восьми стихотворений Г. А. Лопатина и несколько писем, адресованных Штрайху. У А. В. Геккер, вдовы журналиста Н. Л. Геккера, в Одессе хранится довольно много писем Г. А. Лопатина, писанных в период с 1906 по 1918 г.

В архиве Департамента полиции хранится записка Г. А. Лопатина в редакцию «Русского Слова» с приложением его заметки о деле В. Л. Бурцева. Письмо это было послано из Петрограда 7 марта 1915 г. и тогда же задержано начальником Московского охранного отделения полковником Мартыновым.

В литературе не раз высказывалось мнение, будто Г. А. Лопатин никогда не писал свои воспоминания. Это не совсем точно. В письме на имя Ф. Батюшкова в 1912 г., в ответ на вопрос последнего — что Вы пишете в настоящее время — Г. А. отвечал: «В настоящее время работаю над своими мемуарами». Где эта рукопись ныне?

Н. Ростов.